

Культурная антропология и исследования актуальных традиций

УДК 271.2-5

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-2-10-31

Вотивные дары в современной России: религиозная практика в динамике ее развития

Дмитрий И. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, antonov-dmitriy@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вотивные дары, актуальные в современной российской храмовой среде. Быстрое возрождение и распространение вотивной традиции в постсоветской России – одно из самых ярких явлений религиозной культуры последних десятилетий, наравне с практиками, связанными с апроприативной стратегией и активным распространением «православного номадизма», паломнического туризма. Разнообразие даров и связанных с ними практик, дискуссии вокруг этого явления, разные варианты его модерирования клириками и церковными работниками говорят о том, что традиция оказалась одной из самых живых и востребованных; она актуальна среди разных социальных групп – прихожан, паломников, окказиональных посетителей храмов. Автор проводит обзор современных приношений, типологизирует вотивные дары (характерные и редкие, распространившиеся с 1990-х гг. и появляющиеся в последние годы), анализирует их связь с одариваемыми образами. В фокусе внимания – отношения клириков и церковных работников к приношениям; практики распределения даров в пространстве церкви, обращение с вотивами (хранение, развешивание, реализация и т. п.). Анализ проводится на основе интервью, собранных в 2018–2022 гг. в храмах десятков городов в разных регионах России.

Ключевые слова: вотивы, вотивные дары, религиозные практики, постсоветские религиозные традиции

Для цитирования: Антонов Д.И. Вотивные дары в современной России: религиозная практика в динамике ее развития // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 2. С. 10–31.
DOI: 10.28995/2686-7249-2023-2-10-31

Votive gifts in present-day Russia. Religious practice in the dynamics of its development

Dmitrii I. Antonov

*Russian State University for the Humanities, Moscow Russia,
antonov-dmitriy@list.ru*

Abstract. The article discusses votive gifts that are relevant to the contemporary Russian temple environment. The rapid revival and spread of the votive tradition in post-Soviet Russia is one of the most striking phenomena of religious culture in recent decades (along with practices related to the appropriative strategy and the active spread of “Orthodox nomadism”, pilgrimage tourism). The variety of gifts and related practices, discussions around that phenomenon, and different options for its moderation by clerics and church workers indicate that the tradition has turned out to be one of the most lively and in demand; it is relevant among different social groups – parishioners, pilgrims, occasional visitors to churches. The author reviews modern offerings, typologizes votive gifts (characteristic and rare, which have spread since the 1990s and have appeared in recent years), analyzes their connection with the icons being gifted. The focus of attention is also on the attitude of clerics and church workers to offerings; on the practice of distributing gifts in the church space (storage, hanging etc.). The analysis is based on interviews collected in 2018–2022s in the churches in dozens of cities in different regions of Russia.

Keywords: votives, votive gifts, religious practices, post-Soviet religious traditions

For citation: Antonov, D.I. (2023), “Votive gifts in present-day Russia. Religious practice in the dynamics of its development”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 10–31, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-2-10-31

*Кюот как аффорданс:
возрождение вотивной традиции
в постсоветской России*

В этой статье я хотел бы провести анализ вотивных даров, которые актуальны в современной российской традиции. Мои наблюдения относятся к 2018–2022 гг. и основаны на наблюдениях и интервью, проведенных в городских, сельских и монастырских церквях Московской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Новгородской, Тульской, Тверской, Воронежской обла-

стей, а также Красноярского края. С 2020 г. к исследованию этой и других религиозных практик подключены группы студентов-практикантов факультета культурологии РГГУ, работающих под моим руководством – выражаю им искреннюю признательность за ряд ценных наблюдений и собранных интервью¹. На сегодняшний момент количество респондентов, в беседах с которыми обсуждались votivные дары, превышает 70 человек. Большая часть из них – работники церковных лавок, хранители и распорядители даров; около четверти опрошенных – священники, в единичных случаях – прихожане, дарители.

Быстрое возрождение и распространение votivных практик в городских и сельских храмах постсоветской России – несомненно, одно из самых ярких явлений современной (при)церковной религиозной традиции (наравне с активным распространением «православного номадизма», паломнического туризма [Кормина 2019; см. также: Агаджанян, Русселе 2011] и практиками, связанными с апроприативной стратегией [Антонов 2021; Антонов 2022а; Антонов, Тюнина 2022; Доронин, Завьялова 2022]). Наполнение городских храмов дарами началось уже в 1990-е гг., но вышло на свой пик в 2010-е гг. В последние годы это начало вызывать обратные процессы: в некоторых церквях клирики стремятся жестко регламентировать, ограничить или остановить слишком активную практику. В других храмах ее, напротив, поощряют. Нередко отношение к ней разнится в одном храме или монастыре.

Традиция одаривания икон, широко распространенная в Средневековой Руси и синодальной России [Кремлева 2010; Цеханская 2013, с. 169–192; Антонов 2022; Майзульс, Зотов, Антонов 2022б, с. 296–340], была прервана в период СССР. Массовое закрытие и разорение храмов и монастырей шло параллельно с разрушением традиционных ремесел, промышленности, работавшей на церковь, сетей распространителей икон (офеней) и другой религиозной продукции. Естественно, что прекратилось и создание даров для икон – от украшений из дорогих металлов (окладов, корон, табличек с надписями и пр.) до дешевых подвесок из металла с чеканными или вырезанными фигурами людей, животных или частей тела (анатомические votivy). В советское время обеты и votivные дары, наравне с другими религиозными практиками, ушли в тень, продолжали существовать и поддерживаться в провинции, осуществлялись чаще всего индивидуально и малыми социаль-

¹ Благодарю Анастасию Завьялову, Софью Тюнину, Марию Эль-Факи и Артема Кудозова.

ными группами. (Исключением оказались массовые паломничества – яркая публичная манифестация религиозности, с которой власти разными способами пытались вести борьбу на протяжении многих десятилетий [Хун 2012].) В селах по-прежнему украшали платками и полотенцами часовни, поклонные кресты, могилы местночтимых праведников и другие локальные святыни – помимо тканей, к ним несли прежде всего предметы одежды, обувь [Панченко 1998, с. 84–102; Щепанская 2003, с. 309; Мороз 2017, с. 150]. Одаривание церковных икон даже мелкими дарами – там, где сохранялись действующие церкви – не могло быть массовым и заметным явлением. В крупных городах это неизбежно привлекло бы внимание властей.

В 1990-е гг., с массовым открытием храмов и монастырей, ситуация начала быстро меняться, вотивная практика стремительно возвращалась в городские и сельские церкви. Поток приношений изменял траекторию – основной массив даров начал аккумулироваться уже не на природных святынях (хотя, разумеется, он сохраняется здесь и сегодня), а у храмовых икон. Изменился и тип приношений – вместо одежды и тканей начали доминировать различные металлические изделия.

Одаривание храмовых икон веками было важнейшим компонентом русской религиозной традиции. В допетровской Руси, а затем в синодальный период почитаемые иконы обрастали декоративными элементами и приношениями – окладами и ризами, которые могли менять перед праздниками, вотивными привесами, прикладами, многочисленными украшениями из металла, бумаги, ткани и т. п. Само изображение оказывалось зачастую почти невидимым – икона, к которой шли за помощью, представляла собой комплексный объект, огромную нишу, заполненную разнообразными предметами, увешанную тканями, цветами и т. п. [Комова 2012, с. 452]. Религиозные образы такого типа превращались, по верному замечанию Барбары Баерт, в «гнезда» или «ниши»: мелкие предметы не просто аккумулировались в общей рамке, но становились частью сложной комплексной святыни². Аналогичные процессы начали реализовываться в постсоветских российских храмах.

Важнейшую роль сыграло широкое распространение в российских храмах 2000-х гг. деревянных иконных киотов, закрытых

² В работах Б. Баерт речь идет о «запертых садах», паломнических комплексных святынях, популярных в Северной Европе XV–XVII вв., однако выводы исследовательницы применимы к разным типам религиозных образов [Baert 2018; Baert, Iterbeke, Watteeuw 2017].

стеклами. По сути, именно киоты послужили материальным аффордансом для принесения и демонстрации даров: запертая ниша, в которой можно безопасно разместить украшения, располагала к совершению всей необходимой цепочки действий. Это позволило быстро возродиться традиции, насильственно прерванной в 1920–1930-е гг.

Демонстрация отдельных даров под стеклами киотов фактически послужила подсказкой о том, как можно благодарить святого или икону. Вотивная традиция быстро стала популярной: в центре Москвы к концу 2010-х гг. было уже непросто найти церковь, в которой хотя бы одна икона не была увешана дарами. Самый яркий пример из известных нам – храм Илии Пророка в Черкизово, где дары обильно развешаны на 42 иконах из 64.

В некоторых храмах новые иконы, размещенные в киотах, сразу же украшали, вешая цепочку в нижней части образа и укрепляя на ней крупный наперсный крест или панагию. Это «регулярные» дары иконе – не вотив, а способ украсить каждый образ. Но одновременно это могло считываться как намек, наглядный призыв одаривать иконы. Несколько раз мы наблюдали, как в течение года после размещения таких привесов цепочки обрастали вотивными дарами от прихожан. В других церквях нам рассказывали о том же работники храма:

Ну вот батюшка повесил, самый младший батюшка повесил эти кресты <наперсные кресты к иконе>, и все сразу стали быстро обвешивать (Инф. 3).

Отношение к обетным практикам среди современного духовенства очень разное. Некоторые священники активно осуждают практики, которые существовали в советские годы и поддерживаются до сих пор – приносить на могилы праведников, к иконам или к мощам просительные и благодарственные записки (не нужно писать «письма Богу») и еду. При этом осуждение могут распространять и на материальные дары, которые несут к храмовым иконам («святые не берут взятки»). Другие уверенно благословляют все эти реципрокные и коммуникативные практики. Но часто отношение к дарам и к запискам разнится – вотивы одобряют как традицию древнюю, храмовую и благочестивую, а записки и еду осуждают как практики «народные» и «суеверные». Любопытный пример связан с могилой блаженного Мишеньки-Самуила у Троицкого храма в с. Троицкая слобода Ярославской обл. В 2010-е гг. к месту захоронения блаженного люди активно несли записки. Церковные работники говорили нам, что не одобряют эту практику, а священ-

ство скептически относилось к почитанию могилы³. Когда место захоронения облагородили – возвели над ним беседку и обложили камнем, – прятать записки стало труднее (хотя их продолжают класть под камни и цветочные горшки). При этом материальные дары, которые приносили в храм для Мишеньки, принимали и размещали у церковной иконы. Вотивы и письменную коммуникацию оценивали, таким образом, по-разному. Наконец, летом 2022 г. мы зафиксировали в Троицкой церкви рассказ о «компромиссной» ситуации: дар для блаженного Мишеньки принесли в храм, но с благословения священника повесили уже не на иконе, а на самой могиле:

<У могилы святого Мишеньки висит колокольчик – зачем?>
Это один прихожанин зашел и говорит: «Ну, колокольчик повесьте. Блаженный любит, когда звонят». Вот, мы и повесили по его просьбе (Инф. 2).

Часы, платки и кольца: типы даров

Абсолютное большинство вотивных приношений в постсоветской России – мелкие украшения: кольца, подвески, цепочки, серьги, браслеты, кулоны. Иногда на них встречаются христианские образы, порой – светские или эзотерические символы: знаки валют (доллара, евро), изображения известных людей или мест на юбилейных монетах, знаки зодиака и т. п. В некоторых церквях нам говорили, что это несущественно, но в других к привесам относятся строже и утверждают, что приносить и выставлять такие дары нельзя. Иногда – особенно в храмах и монастырях, куда несут много даров, – в церковной лавке (через которую часто проходят такие приношения) не рекомендуют дарить бижутерию и предметы из явно дешевых материалов. Никаких устоявшихся стандартов цензурирования здесь нет – выбор остается за служителями и работниками церкви.

Обычно дарители приносят свои личные/семейные украшения и кресты, но иногда они покупают их в лавке при той же церкви, чтобы сразу отдать (как правило, оставив работницам лавки) для конкрет-

³ В 2007 г. священник Троицкого храма откомментировал слухи о том, что могила источает благоухание: по его словам, могилу, возможно, окропляют эфирными маслами почитатели блаженного. См.: Благоухают могильные камни // Золотое кольцо. 2007. 3 нояб. URL: <http://goldring.ru/news/show/87579> (дата обращения 01.01.2023).

ной иконы. Продажа таких даров не переросла в отдельную традицию – специальных предметов для одаривания икон в российских храмах (пока) не предлагают, votивных табличек не изготавливают (или делают редко, казуально), но многие вещи из ассортимента церковных лавок легко превращаются в votивы: «Купил кольцо у нас серебряное. “Повесьте, пожалуйста, к Смоленской”» (Инф. 4).

Самые одариваемые иконы в современной российской традиции – Богородичные. Образы Христа и святых (Николая Мирликийского, Георгия Победоносца, Пантелеймона, Матроны Московской и других) обрастают дарами реже. Это понятно, учитывая, что Богородичные иконы всегда были самыми значимыми и распространенными в русской религиозной традиции, о чем говорит около тысячи почитаемых образов Богоматери со своими именами, службами, историями чудес и, разумеется, дарами. Сегодня Богородичные образы – самые частые среди храмовых «портретных» (не сюжетных) икон. Дары вешают на цепочках, протянутых поперек образа в нижней его части и в центре, часто на изображенном одеянии – украшения могут напоминать здесь элемент костюма, а если цепочек много, то металлическую ризу.

Самые частые дарители – женщины, что вполне предсказуемо, учитывая, что с советского времени и до сегодняшнего дня они составляют абсолютное большинство паломников и прихожан:

<Чаще женщины дарят?> Ну в храме-то кого больше? [А мужчины дары приносили?] Ну, при мне вот всего раза два. <Что приносили?> Ну, колечки приносили. <Тоже колечки?> Колечки. И крестик. Один принес крестик, я помню, а другой – колечко (Инф. 5).

Большинство украшений сделаны из благородных материалов и (полу)драгоценных камней. Дело не в стоимости – у мелких предметов она, как правило, невысока. Материальная ценность играет символическую роль: изделие из благородного металла, пусть самое маленькое, драгоценный или полудрагоценный камень, пусть крошечный, все же статусный объект. В некоторых храмах объясняют, что правильный дар – такой, который «жалко отдавать». Пластиковые украшения и искусственные камни воспринимаются как подделка, заведомая дешевка, ширпотреб, а значит, недостойный подарок. В этом плане лучшим подарком могут воспринимать бытовой предмет из дорогого материала, а не украшение из дешевого. Вариант такого «бытового» дара – серебряные чайные ложечки, которые выставлены под киотом иконы Богоматери Серафимо-Понетевской в соборе иконы Божией Матери «Знамение» (Знаменском соборе) пгт Ардатов Нижегородской области:

Ложки, вон туда принесли. <А почему ложки?> Она пришла, плакала, сказала: для Божьей Матери, но ей нечего подать. Можно я подам ложки? Батюшка по своей доброте сказал: можно. <И вы их выставили тоже?> Да. Это было, по-моему, практически самый первый знак благодарности. Там что-то было, какие-то цепочки, и вот она пришла и ей так это помогало в суде там или где-то. И вообще ей нечего, теперь есть только ложки. Ну они, мне кажется, серебряные (Инф. 3).

Неудивительно, что иногда иконам дарят и деньги – в единичных случаях их можно встретить под стеклами киотов. Эта практика напоминает известную со Средневековья традицию оставлять монеты в почитаемых местах: на родниках, камнях, могилах, в часовнях или храмах. Сегодня монеты оставляют и у памятников святым, которые активно возводят в России начиная с 1990-х гг. и которые занимают промежуточное положение между чтимым образом (для некоторых верующих) и монументом историческому лицу (для туристов). Приношение монет – древняя вотивная традиция, и ее рефлексy легко встретить во многих туристических практиках (бросить монетку в фонтан, оставить на каком-то примечательном месте). Однако при одаривании иконы обычные монеты, номинал которых в современной России слишком низкий, уже не воспринимаются как достойное приношение. Роль дара могут играть либо крупные юбилейные, либо исторические монеты – так, в Троицком соборе Свято-Троицкого монастыря г. Муром на некоторых иконах висят монеты XIX в.

Еще один частый подарок иконе – нательные крестики, чаще всего золотые и серебряные. Иногда, как сообщали нам работники церквей, их приносят за умершего родственника. Наравне с ними встречаются и нательные медальоны с образом того или иного святого. В этом случае между одариваемым образом и вотивом может возникать прямая связь: в киоте с иконой Георгия Победоносца встречаются кулоны и подвески с образами Георгия, Богородичной иконе приносят маленькие Богородичные образки и т. д.

Относительно популярный дар – наручные и карманные часы, как женские, так и мужские. Довольно много и размещено, к примеру, в киотах почитаемых Богородичных икон Свято-Пафнутьево-Боровского монастыря, Иверской и Семистрельной – среди прочих можно увидеть очень интересные, крупные, искусно сделанные карманные часы. Здесь действует та же логика, что с украшениями – в дар приносят не утилитарный предмет, а дорогой элемент костюма. Дешевые, пластиковые, электронные часы не встречались нам ни разу – все, выставленные под стеклом, аналоговые, сделанные из натуральных материалов (металл, стекло, кожа).

*Ил. 1. Ювелирные украшения, нательные кресты, аналоговые часы.
Дары иконе Иверской Богоматери.
Рождества Богородицы Свято-Пафнутьев Боровский монастырь,
2022 г. Фото Д.И. Антонова*

В последние годы в некоторых русских церквях вновь начали появляться и анатомические вотивы. Однако русская традиция создания таких подвесок угасла в советские десятилетия, поэтому вотивы этого типа, как правило, привозные – это греческие *тамата* – чеканные металлические таблички с изображением человека, части тела (руки, ноги, глаза) или какого-то предмета (дома, автомобиля, ключа). Тамата популярны в греческих храмах – они продаются за 2 или 3 евро практически в каждой церковной лавке. Это типичное, стандартизированное приношение иконам вытесняет на периферию другие, более архаические виды даров: восковые куклы, мечи, изготавливаемые для икон архангела Михаила, тапочки, веники и др. [Антонов, Рычкова 2020, с. 20–23]. В российских церквях такие таблички встречаются очень редко – их привозят туристы и паломники. Но сравнив их с теми, что изготавливали в дореволюционной России, мы увидим, насколько они похожи по своим формам, размерам и иконографии.

Что касается одаривания икон тканями – полотенцами, вышитыми платками – эта традиция пока массово не вернулась в храмы. В советское время платки и полотенца приносили, как правило, в часовни и на поклонные кресты, а иногда на иконы, которые спасали из закрытых церквей и хранили дома:

У нас приносили раньше платки. Вот, а сейчас уже это и нет. <...> <К какой иконе приносили?> А вот Богородице. Вот сюда. Здесь была поперечная перекладка, и на нее вешали эти. <Когда так было?> А вот до того, как эта церковь восстановилась. Она была в доме. Вот она икона, вот, Утоли моя печаль. Вот так было там, очень много было платков. Каждый праздник, особенно Троицу. Вот. Белых, и цветных и всего прочего (Инф. 6).

Сегодня платки во многих регионах по-прежнему приносят на часовни и к поклонным крестам, но в церкви их несут крайне редко. Полотенце или платок, принесенный в храм, может вызвать удивление у священника:

Вот как бы вот просто взяли полотенце, принесли, я смотрю – Спаситель и Божья Матерь, там что-то вот изображение, повесили вокруг на кресте на Голгофе. Ну с этой стороны у Божьей Матери, у Иоанна Богослова. <В храме?> В храме. А зачем? Зачем, не знаем (Инф. 7).

Редкое обнаруженное нами в 2022 г. исключение – Смоленский собор пгт Выездное Арзамасского района Нижегородской обл., где разноцветные платки вешают на киот иконы Богоматери Скоропослушницы. По словам работницы церковной лавки, их приносят, чтобы попросить Богородицу о супруге:

У нас, единственное, кладут платочки Скоропослушнице, кто хочет побыстрее замуж выйти и жениться. <...> Сегодня вот розы большой букет принесли Скоропослушнице. «Ой, у меня дочка вышла замуж, мы так рады. Вот она вешала платочек, молились здесь» (Инф. 8).

Еще одна воскресшая в последние годы традиция – создание ктиторских икон с указанием имен дарителей. Яркий пример – Борисоглебский храм города Боровска, где целая серия крупных пристенных образов имеет вкладные подписи. Не только текст, но и иконография некоторых икон четко отражает обстоятельства, в которых они были заказаны: так, в 2010 г. во здравие младенца семья пожертвовала в церковь четырехчастную икону с Богородичными образами «В родах помощница», «Млекопитательница», «Взыграние младенца» и «Воспитание», а в память об убитом в храм вложили аналогичную по форме икону с образами Богоматери «Семистрельная», «Утоли мои печали», «Взыскание погибших» и «Отрада и утешение» [Антонов 2020, с. 102–114]. Хотя события, которые провоцируют такие вклады, совершенно разные, от

*Ил. 2. Вотивные платки на киоте и цветы в вазах – дары Богородичной иконе «Скоропослушница». Смоленский собор, пгт Выездное, Арзамасский район Нижегородской обл, 2022 г.
Фото Д.И. Антонова*

трагических до радостных, все образы написаны в общем стиле и единообразны по размеру (хотя их создают не в местной церковной мастерской). В храме для них заказывают одинаковые киоты, на цепочки к ним подвешены единообразные кресты. Так частные вклады становятся гармоничными элементами общего церковного пространства.

Отдельная традиция – записки, которые иногда подсовывают под стекла киотов. В последние десятилетия эта коммуникативная традиция была связана, прежде всего, с могилами праведников, но сейчас все чаще переносится и в церковное пространство. К примеру, в храме Илии Пророка в Черкизове записки несут на могилу юродивого Ивана Корейши и одновременно просовывают в киоты разных икон. Иконы некоторых московских храмов буквально обрастают сотнями записок. В других церквях их прячут в щели, под столики и т. п.⁴, так как настоятель не благословляет эту практику. Просительные записки трудно отнести к обетной практике, но благодарственные, описывающие полученную помощь, уже являются классическим вариантом текстового вотива.

⁴ К примеру, в храм Святителя Николая в Кузнецкой слободе.

*Ил. 3. Записки вокруг киота Богородичной иконы
«Помощница в родах». Храм Спаса Преображения на Болвановке,
2022 г. Фото Д.И. Антонова*

Замечательно, что в последние годы в храмах и в церковных лавках распространяются печатные иконы – как большие, на дереве, так и маленькие, часто на пластике – с изображением той или иной почитаемой иконы, увешанной дарами. Это еще больше популяризирует традицию. Дары можно увидеть на репликах как довольно известных икон – к примеру, на некоторых иконках Богородичного образа «Радуйся, Невесто Неневестная» или «Святогорская», – так и на печатных версиях довольно редких образов. Так, множество вотивов (наручные часы, браслеты, таблички-тамата) фигурируют на современных репликах греческой иконы «Богоматерь Кассопитра», почитаемой на о. Корфу. То же происходит, к примеру, с иконой Богоматери «Всецарица», которая почитается как защитница от раковых заболеваний. Оригинальная чудотворная икона в монастыре Ватопед на Афоне увешана дарами, так же, как и многие ее почитаемые списки, к примеру, в российском Валаамском Спасо-Преображенском монастыре, – так же, как и множество мелких иконок, продаваемых в церковных лавках. Причем реплики могут воспроизводить не только греческий образ, но и другие списки, увешанные вотивами.

Это вполне понятно – дары закрывают икону постоянно, не сняв их, икону нельзя увидеть или сфотографировать полностью, а следовательно, многие современные реплики будут воспроизводить ее именно в том убранстве, в котором она находится в последние годы.

С другой стороны, благодаря тиражированию образ конкретной иконы с развешанными на ней дарами может восприниматься уже как отдельный иконографический тип: Кассопитра – образ Богородицы, исцеляющий глаза ослепленного отрока, образ, униженный дарами. Эти яркие особенности позволяют издали опознать икону и определяют ее зрительное восприятие во многих храмах.

Церковное сообщество: модерирование традиции

Церковное сообщество в разной форме модерирует votivную практику. Священники благословляют или не благословляют принимать дары в целом или определенные типы даров. Работники церковных лавок принимают или не принимают определенные votивы; дают советы о том, что/как можно и что/как нельзя приносить в храм; хранят дары и размещают их на иконах – регулярно или несколько раз в год. Если поток приношений идет активно, всё принесенное, как правило, относят в специальное место – ящик, шкаф, сейф и часто снабжают записками – для какой иконы предназначен определенный предмет. Открывать киоты и вешать дары могут при этом один или два раза в год, перед Пасхой или Рождеством. Если у какой-то из храмовых икон киот слишком большой и вскрывать его трудно, дар, принесенный для этой иконы, могут повесить перед другим храмовым образом. Это тоже элемент модерирования традиции: в некоторых церквях, к примеру в храме Илии Пророка в Черкизове, votивы несут почти ко всем иконам, но в некоторых киотах украшений нет по причине того, что их решено (пока) не открывать. При этом, по словам многих наших собеседников, дарители нередко следят за своими дарами и, если видят, что они долго не появляются в киоте, начинают беспокоиться и расспрашивать об их судьбе.

Очень редко украшения не передают в церковную лавку, а самостоятельно вешают или кладут у одариваемого образа. И духовенство, и работники церкви следят за такими приношениями и модерируют ситуацию – убирают принесенное, перевешивают и проч. Так, в храме Михаила Архангела с. Липовка Нижегородской обл. мы обратили внимание священника на крестик, повешенный на шею резной иконы Николая Мирликийского, и он немедленно перевесил его на руку святого:

Ну вот так-то одевать не надо *<снимает и перевешивает крест>*. Как это так оказался. Не надо. *<Это приносят в дар, за помощь?>* Да. На него-то одевать зачем. *<Смеется>* (Инф. 10).

*Ил. 4. Четкое разделение даров:
на двух верхних цепочках подвешены крестики,
на третьей – кулоны с образами святых,
на четвертой – серьги, на пятой – кольца.
Слева и справа висят пожертвованные иконе цепочки.
В правом нижнем углу стоят наручные часы.
Дары иконе «Богоматерь Смоленская», Смоленский собор,
пгт Выездное, Арзамасский район Нижегородской обл., 2022 г.
*Фото Д.И. Антонова**

Самостоятельно у икон оставляют цветы, записки и другие дары, которые не представляют материальной ценности и которые можно положить там без опаски, – либо же такие дары, которые не благословляют оставлять и не принимают в церковной лавке. Часто это записки и бумажные деньги. Так, во Владикавказе в церкви пророка Илии под стекло иконы Богородицы Взыскание Погибших, где размещены вотивные дары-украшения, люди просовывают денежные купюры. Киот закрыт и опечатан (это часто делают, чтобы предотвратить кражу даров), но купюры просовывают сквозь щели, несмотря на попытки священника бороться с этой практикой: «Это, ну, закидывают <купюры>. Батюшка не разрешает» (Инф. 11).

В церквях, где скапливается много даров (паломнические центры, монастыри и городские храмы, популярные среди туристов), происходит сегрегация и/или цензурирование даров. Некоторые вещи категорически не принимают – к примеру, подвески с нехристианской символикой или бижутерию. Другие (как правило, дешевые предметы) принимают, но не выставляют под стекло киота,

а, к примеру, кладут на церковный столик, откуда их могут забрать желающие. Третьи выставляют в киоте, но со временем снимают, чтобы заменить на новые.

В последние годы во многих храмах происходит разделение даров по типам: юбилейные монеты, аналоговые часы, иконки и другие предметы, которые трудно привесить, выставляют рядами внизу киота; кольца, серьги, браслеты, крестики не смешивают, а вешают рядами на отдельных цепочках. Многообразие вотивов вызывает желание систематизировать их и представить красиво организованными группами.

В церквях, где есть почитаемый образ и куда активно несут дары, работники часто ведут тетради, куда благодарные люди записывают свои истории о чудесной помощи. Но такие записи не превращают в текстовый вотив и не вешают перед иконой:

<Кто вписывает чудеса в тетрадочку?> Это они сами люди пишут.
<И письма вклеиваете?> Ну, кто-то берёт, пишет, вот это письмо пришло – мы его вклеим (Инф. 5).

Абсолютное большинство даров сегодня приносят в благодарность за уже произошедшее чудо. В упомянутом Смоленском соборе люди несут платки с просьбой о помощи только к одной иконе – другим храмовым иконам приносят в дар украшения, чтобы отблагодарить за оказанное заступничество. Как рассказывала нам женщина в одном из московских храмов, и помощь, и желание отблагодарить икону приходят порой очень нескоро после того, как просьба была озвучена:

Ты же помолился, например, тебе это место как-то в душу запало. Потом тебе, через год у тебя это исполнилось, ты вспомнил, что вот, там, я, например, помолился, мне это исполнилось. Там, типа, надо <дар принести> (Инф. 1).

При этом работники некоторых церквей говорили нам, что просить помощи у святого в обмен на пожертвование неправильно и недопустимо – это ассоциируется с коррупцией, взяткой, попыткой подкупить праведника. Такое объяснение могут транслировать дарителям, объясняя, что примут от них вещь только в случае, если ее приносят не «заранее», а в благодарность:

<Бывает, одаривают, чтобы помощь получить?> Нет, не надо. Вот этого не надо. Святые взятку не берут. <...> <Вы не принимаете, если заранее?> Нет, если заранее – нет. Так и говорим, что святые взятку не

берут. Вот если поможет – другое дело. А если Господь не захочет вам в этом деле помочь, бывает же так часто, правильно? А вот, «я принёс, а он мне не помог – это чё?» (Инф. 8).

Если даров скапливается много, их пытаются реализовать на нужды храма. Здесь может быть несколько вариантов. Во-первых, можно переплавить сами металлические предметы на ризу для иконы, лжицу для причастия, позолоту чаши для евхаристии и т. п.:

Очень много серебряных всяких вещей пошло на вот это вот изготовление ризы. И кстати рады были, что не просто Николая Чудотворца, но его ризу святую. Были очень довольны люди (Инф. 9).

У нас переплавили. Сделали в алтарь лжицу и ещё что-то <...> <Насколько быстро набирается достаточно даров?> Мы не засекали, сколько золотишка. <Смеется> (Инф. 15).

Кроме того, возможно продать и распределить полученные средства на церковные одеяния и утварь, купить на вырученные деньги киот или оклад для одариваемой иконы. Наконец, иногда средства пускают на решение финансовых проблем церкви:

Цепи всякие разные благодарственные, серёжки всякие, колечки, всё висело тогда. <Потом сняли?> Была проблема с долгами, в итоге всё это оценили и отдали, так что да. <...> Может пять, может побольше <лет назад>, ну вот когда была финансовая проблема (Инф. 16).

Иногда, как в случае с платками в Смоленском соборе пгт Выездное, дары (платки) могут забирать в церковную лавку и продавать/раздавать там. Учитывая, что некоторые покупают украшения и платки в дар иконе, одни и те же предметы могут вновь возвращаться к образу, с которого были сняты:

То есть они нам кладут платочек, он там повисит какое-то время, мы снимаем. Приходит там следующий, покупает, например, вот то, что снято, мы отдаём людям. То есть они повисели на этой иконочке <...> Вот, потом снимаем, их уберём, и кто будет покупать, мы отдаём вот уже платочки, которые висели на иконке (Инф. 5).

Самый жесткий вариант контроля над традицией – временный или постоянный запрет принимать дары или выставлять их в киотах. Иногда это делают, когда даров скопилось слишком много и выставлять их уже нет возможности:

<Всё вывешиваете, что дарят?> На сегодняшний момент мы не принимаем, потому что там очень тяжёлое уже, может оборваться. Потом, когда будет благословение батюшки, опять будут приносить (Инф. 12).

В других случаях запрет связан с тем, что настоятель не одобряет саму традицию, усматривая в ней «язычество» и суеверие. В одном случае нам рассказали о том, что человек подарил свой крест иконе по совету «экстрасенса», а потом устроил в храме скандал из-за того, что не получил помощь – с тех пор дары перестали принимать, чтобы избежать повторения таких инцидентов. Эта история перекликается с приведенным выше мнением работницы московского храма о том, что принимать дары можно только за уже оказанную помощь, а не в качестве «взятки»:

У одного там... Его, ну, их научили экстрасенсы, что вот ты сходи, отдай свой крест, то-то то-то, то-то то-то, то-то то-то, сделай, и он всё это выполнил. А потом он пришёл, он всё это ему там проработала его хорошо, у него всё пошло обратно. И он пришёл, начал нас обвинять, церковь. Стал возмущаться, стал ругаться, стал... Такую закатил тут истерику. Матушка запретила принимать что-то жертвенное <...> А так матушка запретила, сказала: «Такие скандалы нам не нужны, раз вроде такие суеверные: сначала ходят к экстрасенсам, потом ходят к Богу, и всё это хотят сопоставить». И она запретила. Такое вот искушение было (Инф. 13).

Наконец, в последние годы во многих храмах дары перестали выставлять или убрали из-за кражи, которая случилась либо в самом храме, либо где-то неподалеку:

У нас сейчас сняли, потому что было это, покушение однажды. <Пытались украсть?> Украли даже. Это было уже несколько лет назад. <Из-под стекла?> Да, да. И потом, значит, нам Ювеналий сказал, чтоб больше не... <Не искушать?> Не искушать. Если жертвуют, куда-то в определенное место, пока, вот, не будет такого <оклада> <...> Сейчас вот замочек сделали, а тогда просто, просто на этот, на крючок. И никто не трогал, сколько лет никто не трогал. А потом вот однажды: был пасхальный день, усмотреть невозможно было. <...> И поэтому, чтоб не искушать, чтобы люди не возмущались, что ихняя жертва ушла незнамо куда (Инф. 14).

Есть у нас там золото, убрали. Очень много было золота. Убрали. <Вы вывешиваете?> Нет, потому что решили убрать, потому что у нас

много ходят всякие такие, которые могут, ну, разбить, забрать икону. Много уже у нас в храмах так было. Ну вот в Семёновской <церкви>. Всё, вот на этих чудотворных иконах золото нужно от соблазна таких людей убирать. <Смеется> <...> Вот щас остался один крест – больше мы не вешаем. Вот. <А если приносят?> Приносят, батюшке дают, мы складываем... <Инф. 2>.

* * *

В последние годы вотивная традиция на постсоветском пространстве проходит через активную фазу становления. Разные типы даров, разные правила обращения с ними могут распространиться в одной церкви, быть отвергнутыми в другой, спорадически возникать и апробироваться в третьей. Отношение церковного сообщества к одариванию иконы нередко меняется со сменой настоятеля: установление новых практик в каждом храме – результат постоянного взаимодействия служителей церкви, прихожан и паломников. Немаловажное влияние оказывает на эти процессы паломническая традиция – «православный туризм» способствует широкой циркуляции предметов и практик в российских регионах. Благодаря ему некоторые редкие типы даров, как чеканные греческие таблички-*тамата*, спорадически оказываются под стеклами киотов в разных российских церквях и получают возможность закрепиться в разных локальных (микро)традициях. Мониторинг и анализ этой традиции в динамике ее развития – важная задача, которую мы планируем реализовывать в ближайшие годы.

Список информантов

- Инф. 1 – жен., ок. 30 лет, жена священника, ученица курсов храмовой флористики при храме Святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.
- Инф. 2 – жен., ок. 70 лет, работает при храме Святой Живоначальной Троицы, с. Троицкая Слобода Переславского р-на Ярославской обл. Зап. в 2022 г.
- Инф. 3 – жен., ок. 35 лет, продавщица в церковной лавке храма Божией Матери «Знамение», пгт Ардатов Нижегородской обл. Зап. в 2021 г.
- Инф. 4 – жен., ок. 55 лет, продавщица в церковной лавке Смоленского собора, пгт Выездное Арзамасского р-на Нижегородской обл. Зап. в 2022 г.
- Инф. 5 – жен., ок. 65 лет, продавщица в церковной лавке храма Успения Пресвятой Богородицы, с. Суворово Дивеевского р-на Нижегородской обл. Зап. в 2021 г.

- Инф. 6 – муж., ок. 75 лет, краевед, с. Тёплово гор. окр. Кулебаки Нижегородской обл. Зап. в 2021 г.
- Инф. 7 – муж., ок. 45 лет, протоиерей храма Михаила Архангела, с. Туркуши Ардатовского р-на Нижегородской обл. Зап. в 2021 г.
- Инф. 8 – жен., ок. 60 лет, продавщица в церковной лавке храма Николая Чудотворца в Подкопаях, г. Москва. Зап. в 2021 г.
- Инф. 9 – жен., ок. 50 лет, продавщица в церковной лавке храма Петра и Павла у Яузских ворот, г. Москва. Зап. в 2021 г.
- Инф. 10 – муж., ок. 80 лет, священник церкви Михаила Архангела, с. Липовка Ардатовского р-на Нижегородской обл. Зап. в 2022 г.
- Инф. 11 – муж., ок. 50 лет, работник при храме Пророка Божия Илии, г. Владикавказ респ. Северная Осетия – Алания. Зап. в 2021 г.
- Инф. 12 – жен., ок. 40 лет, работница храма Софии Премудрости Божией у Пушечного двора, что на Лубянке, г. Москва. Зап. в 2022 г.
- Инф. 13 – жен., ок. 65 лет, монахиня, храм Николая Чудотворца в Звонарях, г. Москва. Зап. в 2021 г.
- Инф. 14 – жен., ок. 80 лет, работница при храме Преображения Господня, с. Вельяминово гор. окр. Домодедово Московской обл. Зап. в 2021 г.
- Инф. 15 – жен., ок. 30 лет, флористка при храме Святителя Николая в Отрадном, г. Москва. Зап. в 2021 г.
- Инф. 16 – жен., ок. 55 лет, работница при храме Преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках, г. Москва. Зап. в 2022 г.

Литература

- Агаджанян, Русселе 2011 – Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011. 368 с.
- Антонов 2020 – Антонов Д.И. Иконы и мощевики: об актуальных тенденциях конструирования храмового пространства в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 102–114.
- Антонов 2021 – Антонов Д.И. Апроприация силы: незримое «тело» святыни в христианских традициях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 7–25.
- Антонов 2022а – Антонов Д.И. Колодцы и печи: ритуализированная утилизация освященных предметов в постсоветской православной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 30–43.
- Антонов 2022б – Антонов Д.И. Вотивные дары на Руси: предметы и практики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 50–69.

- Антонов, Рычкова 2020 – Антонов Д.И., Рычкова Н.Н. Веники и восковые младенцы: вотивная традиция на Родосе // Живая старина. 2020. № 1. С. 20–23.
- Антонов, Тюнина 2022 – Антонов Д.И., Тюнина С.М. Утилизация освященных предметов: тексты и комментарии // Живая старина. 2022. № 1. С. 24–29.
- Доронин, Завьялова 2022 – Доронин Д.Ю., Завьялова А.И. Келья, могила, храм: пространство и апроприация благодати в топографии дуношкиной святыни // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 110–141.
- Комова 2012 – Комова М.А. Иконное наследие Орловского края XVIII–XIX вв. М.: Индрик, 2012. 512 с.
- Кормина 2019 – Кормина Ж.В. Паломники: этнографические очерки православного номадизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 349 с.
- Кремлева 2010 – Кремлева И.А. Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа // Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / Отв. ред. и сост. О.В. Кириченко. М.: Наука, 2010. С. 241–284.
- Майзульс, Зотов, Антонов 2022 – Майзульс М.Р., Зотов С.О., Антонов Д.И. Восковые ноги и железные глаза: вотивные практики от Средневековья до наших дней. М.: Слово/Slovo, 2022. 368 с.
- Мороз 2017 – Мороз А.Б. Народная агиография: устные и книжные основы фольклорного культа святых. М.: Неолит, 2017. 443 с.
- Панченко 1998 – Панченко А.А. Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. М.: Алетейя, 1998. 306 с.
- Хун 2012 – Хун Э. С иконами и песнопениями, или Епископ, сбежавший от своих прихожан: Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 232–256.
- Цеханская 2013 – Цеханская К.В. Почитание православных святынь в России. М.: Паломник, 2013. 400 с.
- Щепанская 1995 – Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 110–176.
- Baert 2018 – Baert B. Art and mysticism as horticulture. Late Medieval enclosed gardens of the Low Countries in an interdisciplinary perspective // Art and mysticism. Interfaces in the Medieval and Modern periods / Ed. by H. Appleton, L. Nelstrop. N.Y.: Routledge, 2018. P. 104–127.
- Baert, Iterbeke, Watteeuw 2017 – Baert B., Iterbeke H., Watteeuw L. Late Medieval enclosed gardens of the Low Countries: Mixed media, remnant art, récyclage and gender in the Low Countries (sixteenth century onwards) // The agency of things in Medieval and Early Modern art. Materials, power and manipulation / Ed. by G. Jurkowlanec, I. Matyjaszkiewicz, Z. Sarnecka. N.Y.: Routledge, 2017. P. 33–47.

References

- Aghajanyan, A. and Rousselet, K. (eds.) (2011), *Prikhod i obshchina v sovremennoy pravoslavii: kornevaya sistema rossiiskoi religioznosti* [Parish and community in modern Orthodoxy. The root system of Russian religiosity], Publishing House "The Whole World", Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. (2020), "Icons and reliquaries. On current trends in constructing of the church space in Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 102–114.
- Antonov, D.I. (2021), "Appropriation of virtue, The invisible 'body' of Holy objects in Christian traditions", *State, religion and church in Russia and Worldwide*, no. 3, pp. 7–25.
- Antonov, D.I. (2022), "Wells and furnaces. Ritualized disposal in post-Soviet Orthodox tradition", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 30–43.
- Antonov, D.I. (2022), "Votive gifts in Russia. Objects and practices", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 11–31.
- Antonov, D.I. and Rychkova, N.N. (2020), "Brooms and wax babies. A votive tradition in Rhodes", *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 20–23.
- Antonov, D.I. and Tyunina, S.M. (2022), "Disposal of consecrated objects. Texts and comments", *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 24–29.
- Doronin, D.Yu. and Zavyalova, A.I. (2022), "The cell, the grave and the church. The spread and appropriation of grace in the topography of Dunyushka's shrine", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 110–141.
- Komova, M.A. (2012), *Ikonnnoe nasledie Orlovskogo kraia XVIII–XIX vekov* [Icon heritage of the Oryol region of the 18th – 19th centuries], Indrik, Moscow, Russia.
- Kormina, Zh.V. (2019), *Palomniki: etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims. Ethnographic essays of Orthodox Nomadism], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki, Moscow, Russia.
- Kremleva, I.A. (2010), "The place of the vow in the worldview and everyday life of the Russian people", in Kirichenko, O.V. (ed.), *Svyatyni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie* [Shrines and sanctity in the life of the Russian people. An ethnographic study], Nauka, Moscow, Russia, pp. 241–284.
- Maizul's, M.R., Zotov, S.O. and Antonov, D.I. (2022), *Voskovye nogi i zheleznye glaza: votivnye praktiki ot Srednevekov'ya do nashikh dnei* [Wax legs and iron eyes. Votive practices from the Middle Ages to the present day], Slovo/Slovo, Moscow, Russia.
- Moroz, A.B. (2017), *Narodnaya agiografiya: ustnye i knizhnye osnovy fol'klornogo kul'ta svyatykh* [Folk hagiography. Oral and book foundations of the folklore cult of Saints], Neolit, Moscow, Russia.
- Panchenko, A.A. (1998), *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya: Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia], Aleteiya, Moscow, Russia.

- Hong, E. (2012), "With icons and hymns, or a bishop who escaped from his parishioners. Mass pilgrimages in Russia during the Stalin and Khrushchev eras", *State, religion and church in Russia and Worldwide*, no. 3–4, pp. 232–256.
- Tsekhanskaya, K.V. (2013), *Pochitanie pravoslavnykh svyatykh v Rossii* [Veneration of Orthodox shrines in Russia], Palomnik, Moscow, Russia.
- Shchepanskaya, T.B. (1995), "Crisis Network (traditions of spiritual exploration of space)", in *Russkii Sever: K probleme lokal'nykh grupp* [Russian North. On the issue of local groups], MAEN RAN, Saint Petersburg, Russia, pp. 110–176.
- Baert, B. (2018), "Art and mysticism as horticulture. Late Medieval enclosed gardens of the Low Countries in an interdisciplinary perspective", in Appleton, H. and Nelstrop, L. (eds.), *Art and mysticism. Interfaces in the Medieval and Modern periods*, Routledge, New York, USA, pp. 104–127.
- Baert, B., Iterbeke, H. and Watteuw, L. (2017), "Late Medieval enclosed gardens of the Low Countries. Mixed media, remnant art, récyclage and gender in the Low Countries (sixteenth century onwards)", in Jurkowlanec, G., Matyjaszkiewicz, I. and Sarnecka, Z. (eds.), *The agency of things in Medieval and Early Modern art. Materials, power and manipulation*, Routledge, New York, USA, 2017, pp. 33–47.

Информация об авторе

Дмитрий И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; antonov-dmitriy@list.ru

Information about the author

Dmitrii I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; antonov-dmitriy@list.ru